

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Олег Васильевич ЗЫРЯНОВ¹

УДК 82-221

О ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА: КОМЕДИЯ «НА ЗОЛОТОМ ДНЕ» («ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ»)

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
o.v.zyrianov@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-3327-8116

Аннотация

В статье представлен опыт обращения к малоизученной части творческого наследия Мамина-Сибиряка — его первому драматическому произведению, пьесе «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Прослежена творческая история этого произведения, осуществлен сравнительный анализ печатного журнального варианта пьесы и более поздней редакции, оставшейся в белой рукописи. Отмечен порядок произведенных самим автором изменений жанровых номинаций пьесы (от комедии к драме и бытовой хронике и, обратно, к комедии), раскрыта логика существенной корректировки системы персонажей и природы драматического конфликта, а также смены ведущих аксиологических установок сознания автора-драматурга.

В качестве принципиальной особенности сюжетно-композиционного построения пьесы «На золотом дне» признан осуществленный Маминым синтез романной

Цитирование: Зырянов О. В. О драматургических принципах Д. Н. Мамина-Сибиряка: комедия «На золотом дне» («Золотопромышленники») / О. В. Зырянов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 101-114.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

и драматической форм, наиболее ярко сказавшийся в его ориентации на театральную традицию «пьес жизни» А. Н. Островского, на панорамное освещение «темного царства» уральских золотопромышленников. В ходе анализа драматического развития действия показано, как комедия социально-бытовых положений органично перетекает в осложненную отдельными мелодраматическими элементами настоящую семейно-психологическую трагедию страстной одержимости и болезненных мучений совести. Акцентирование в духовно-нравственной проблематике пьесы сюжета греха и покаяния, народно-христианского взгляда на природу человека роднит рассматриваемое произведение с народно-притчевой драмой Л. Н. Толстого «Власть тьмы». В заключении высказано предположение о том, что в своей первой пьесе Мамин-драматург уже вплотную подходит к сценическим открытиям экзистенциально-психологической драмы (комедии) А. П. Чехова, что еще более ощутимо проявится в следующем драматическом произведении уральского писателя — комедии «Маленькая правда».

Ключевые слова

Д. Н. Мамин-Сибиряк, комедия «На золотом дне», бытовая хроника, «пьесы жизни» А. Н. Островского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, психологический конфликт, антропологическая концепция, авторская аксиология.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

Введение

Д. Н. Мамин-Сибиряк вошел в литературу как автор крупномасштабных эпических форм (романа, повести) и короткого нарратива (очерка, рассказа). Своими повествовательными произведениями он вполне заслуженно перерос статус регионального писателя-беллетриста, закрепив за собой репутацию общероссийского литератора-классика. Наше время только подтверждает актуальность Мамина-Сибиряка, его необходимость для наших современников, о чем свидетельствует и капитальный раздел о творчестве писателя в недавно вышедшем в свет втором томе академической «Истории литературы Урала», выполненном под редакцией Е. К. Созиной [5, с. 1105-1260]. В аспекте акцентированного еще М. М. Пришвиным «родиноведения» (или, по словам самого писателя, «домовитой провинции») актуальность Мамина-прозаика поддерживается прежде всего его приверженностью фундаментальным ценностям (род — семья — религия), которая в русской литературе Нового времени ощутимо дает о себе знать, начиная с «Капитанской дочки» Пушкина [13].

Но в этом отношении самого пристального внимания заслуживает еще одна ипостась Мамина-художника, а именно — драматургия, т. е. такая часть его художественного наследия, которая практически мало известна широкой читательской аудитории. А между тем в 1880-1900-е гг. Маминым были задуманы два десятка пьес разных жанров. Помимо отдельных драматургических опытов

авторству Мамина-Сибиряка принадлежат также заслуживающие внимания критические заметки о театре, как самостоятельные, так и представленные в многочисленных художественных произведениях и письмах [2, 14, 17]. Это особенно важно, так как позволяет проникнуть в «святая святых» творческого сознания писателя-драматурга, лучше понять и оценить его ведущие художественно-эстетические принципы и духовно-ценностные установки.

Высокое представление писателя о роли театра, его поистине просветительно-гуманистической миссии сформировало и требовательное отношение к художественному мастерству драматурга. Мамин-Сибиряк всегда возмущался «драмоделами», которые «внутреннюю бессодержательность и пустоту стремятся заменить внешними эффектами и оригинальничаньем» [1, с. 44], самих же авторов подобного типа он иронически называл «доморощенными Шекспирами» [1, с. 28]. В письмах к издателю журнала «Артист» Ф. А. Куманину Мамин постоянно настаивает на том, что «без языка нет пьесы...» [16, с. 175], говоря же о современной драматургии, с сожалением отмечает, что «о языке нынче и помину нет...» [16, с. 173]. По всей видимости, именно заботой о совершенствовании языка пьесы, желанием придать действующим лицам индивидуальную манеру речевого общения вызвана столь упорная многолетняя работа писателя над своими драматическими произведениями. В сравнении с очерковыми жанрами, рассказами и повестями, которые писались Маминым иногда совсем без черновиков, работа над текстами драматических произведений протекала с очень большими трудностями, о чем свидетельствуют признания самого писателя, зафиксированные как в его письмах [16, с. 174], так и в мемуарных источниках [21, с. 99, 189].

Единственным драматическим произведением Мамина-Сибиряка, которое было опубликовано самим автором и удостоено постановки почти одновременно на Екатеринбургской сцене и в московском театре Корша¹, стала пьеса «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Присмотримся более внимательно к эволюции жанровых параметров этой пьесы, к ее сюжетно-композиционной структуре и природе драматургического конфликта, причем, что особенно важно, в текстологическом аспекте ее различных редакций.

Методология

Цель предлагаемого исследования — уяснение эволюции жанровых параметров пьесы «На золотом дне», ее сюжетно-композиционной структуры и природы драматургического конфликта. В методологическом плане для нас особенно важно, что рассмотрение всех указанных вопросов предполагается с учетом текстологических наблюдений, с привлечением различных редакций и вариантов текста. Новаторский характер заявленного подхода определяется тем,

¹ 10 ноября 1887 г. состоялось первое представление «Золотопромышленников» в Екатеринбургском городском театре в бенефис В. А. Великанова. В театре Корша премьера спектакля пришлась на 18 декабря того же года (21 декабря — второй спектакль).

что установление окончательного (дефинитивного) варианта пьесы на сегодняшний день представляет серьезную текстологическую проблему.

Результаты исследования и их обсуждение

Творческая история пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники») связана с целым рядом промежуточных текстов. Филиацию замысла лучше всего проясняет серия рукописных источников, служащих своего рода черновыми проектами будущего произведения, среди которых наброски драм «Ком снега» и «Одиннадцатая заповедь», а также «На золотом дне» (с жанровым обозначением «комедия в пяти действиях») [19, с. 102-105]. Продолжая работу над текстом, Мамин меняет жанровый подзаголовок с «комедии» на «драму». Первоначальная редакция пьесы, являющаяся полной авторской черновой рукописью объемом в 60 листов, создается в Екатеринбурге в период с 13 февраля по 16 мая 1885 г. и имеет заглавие «На золотом дне. Драма в пяти действиях» [7]. Отправляясь из Екатеринбурга в Москву в августе 1885 г., Мамин захватил рукопись своей пьесы, подвергая ее по ходу дополнительной переработке, которая свелась к сокращению количества действий до четырех [8], а также к замене заглавия («Золотопромышленники») и жанрового определения («бытовая хроника») в тексте журнальной публикации [6]. Однако самый поздний по времени вариант текста, претендующий на статус дефинитивного, возвращает исходное название «На золотом дне» и жанровое обозначение «комедия» [9].

Осуществляемая самим драматургом последовательная смена жанровых номинаций (от комедии к драме и, обратно, к комедии) проявляет какие-то важные аспекты идейно-эстетической структуры пьесы. Так, указание на «бытовую хронику» призвано подчеркнуть социально-бытовой характер действия, к тому же обращенный к прошлому. Однако этому не противоречит и жанровое обозначение «комедия», использованное автором, пожалуй, в том же самом смысле, что и в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» (1850). Заметим при этом, что комедийные элементы в пьесе Мамина-Сибиряка особенно ощутимы в первых трех действиях: монолог проснувшегося в тяжелом похмелье Белоносова, «окружной суд» над Марфой Лукинишной, прячущийся от страха в шкаф Ширинкин, фарсовое соперничество героев-любовников Белоносова и Чепракова (в печатной редакции) и т. п. Однако, заключительное, четвертое действие, напротив, обнаруживает заметное нарастание трагедийных и мелодраматических мотивов, о чем еще пойдет речь в дальнейшем.

То обстоятельство, что более известный под названием «Золотопромышленники» текст, опубликованный автором в журнале «Наблюдатель» (1887, № 10), на самом деле является последней, окончательной редакцией, серьезно осложняет восприятие и оценку данного произведения. К проблемным аспектам рецепции пьесы, представленной сразу же двумя вариантами, следует отнести не только расхождения в заглавии и жанровом определении, но и существенные

изменения сюжетно-композиционного плана, что вызывает необходимость сравнительно-сопоставительного подхода к текстам обоих вариантов¹.

В тематическом отношении пьеса представляет сцены из жизни уральских золотопромышленников. Подобно А. Н. Островскому, который вывел на сцену ярчайшие фигуры замоскворецкого купечества, Мамин-Сибиряк изобразил колоритную среду уральских дельцов-золотопромышленников. Важно отметить, что изображенные в пьесе события получают конкретную географическую привязку: действие происходит в Зауралье, в уездном городе Загорье, что располагается «в Сибири, сейчас за Уральскими горами» [10, с. 8]. В центре внимания автора-драматурга два семейства — разорившегося золотопромышленника Тихона Кондратьевича Молокова и набирающего силу золотопромышленника Ивана Тимофеича Засыпкина.

Действие имеет откровенно криминальный характер. Засыпкин как «хищный тип» лишает дельца Молокова его состояния, используя ради этого различные уловки (замену имени героя псевдонимом, махинации с передачей приисков в аренду, оформление векселей и т. п.), склоняет к брачному сожителству дочь Молокова — Анисью Тихоновну. Еще раньше он обирает семерых братьев Ширинкиных, делая одного из них, Харитона Харитоныча, сначала шутком при Молокове, а потом — посыльным при себе. Превратности судьбы объясняются при этом свойственным золотопромышленникам фартом (фортуной и фатумом одновременно): «В нашем приисковом деле все от счастья зависит: повезло — пан, не повезло — пропал» [10, с. 32]. Как выясняется в последнем, четвертом, действии, Молокову удастся поправить свои финансовые дела, добыв принесший ему удачу золотой прииск. Однако золото не может обеспечить счастье героев. «Мне и своего золота по горло» [10, с. 58], — признается отцу Анисья Тихоновна, вынужденная жить с богатым, но постылым для нее мужем.

Циническую философию обогащения любыми средствами выражает «ходятай по делам», адвокат Белоносов. Находясь при золоте, т. е. при своих клиентах-золотопромышленниках, герой так определяет собственную цель: «... тогда уж я не так буду корчить этих золотопромышленников: как губки, буду выжимать» [10, с. 39]. В более позднем варианте текста, признанном нами за окончательный, Белоносов произносит отдельный внутренний монолог, раскрывающий весь цинизм его жизненной философии и пародийно ориентированный на известное высказывание Гамлета (2 акт, 2 д.): «Удивительно создан белый свет,

¹ По мнению В. Л. Удалова, в качестве основной редакции интересующей нас пьесы следует признать последний по времени вариант белой рукописи [9], о чем впервые было сообщено исследователем в статье «Название новое — „На золотом дне“», опубликованной в газете «Литературная Россия» (21 июня 1969, № 25). Однако в основу всех печатных текстов пьесы Мамина-Сибиряка до сих пор положен текст единственной журнальной публикации (Наблюдатель. 1887. № 10). В дальнейшем мы будем цитировать его по изданию [10] с указанием соответствующих страниц. Обращение к окончательному варианту текста «На золотом дне» [9], сохранившемуся только в белой рукописи, всякий раз будет оговариваться нами особо.

и нет в нем удивительнее скотины, как венец творения, человек... Например, я. Что я такое?.. (Останавливаясь.) Иногда сам себе удивляюсь, ей-богу... Сколько это нахальства и подлости в одном человеке может поместиться, и совести ни капельки» [9, л. 41 об.].

Мамин в высшей степени индивидуализирует характеры действующих лиц. Молоков — это делец старой формации, для которого еще имеет вес и значение купеческое слово, понятие совести и греха. Манерой своего поведения («Всех завяжем в один узел...»; «А это, как уж найдет на меня: хочу милую, хочу разнесу...» [10, с. 58]) герой напоминает известных персонажей из пьес Островского — Большова («Свои люди — сочтемся!») и Дикого («Гроза»). Аналогия с первым поддерживается чисто сюжетным положением (разорение Молокова со стороны Засыпкина, человека, которому он больше всего доверял, который к тому же становится его зятем), тогда как со вторым героя роднит мотив безудержного, в том числе способного к «настоящей злости», сердца. В обращении к Засыпкину Молоков откровенно признается: «Постой, постой, все еще не могу я рассердиться на тебя настоящим манером... <...> Всю дорогу сердился... Ну, приехал сердитый, а тут вот Анисья меня точно расхолодила — нету во мне настоящей злости... Сижу вот и стараюсь на тебя, подлеца, рассердиться, а сердца-то и нет» [10, с. 59]. В качестве прямой параллели данному признанию Молокова в пьесе «Гроза» можно рассмотреть откровенные речи Дикого перед Кабановой: «А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло»; «...да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое!» [15, с. 238-239].

Засыпкин же — своего рода параллель Лазарю Подхалюзину (пьеса «Свои люди — сочтемся!»), вариант «русского Тартюфа» — поражает прежде всего своей лицемерной сущностью. При случае он не стесняется помянуть Бога всуе, утверждая, что разбогател, потому что «бог счастья послал» [10, с. 32]. Однако, как объясняется из сюжета пьесы, все его обогащение строится исключительно на обмане ближних — братьев Ширинкиных, позднее дельца Молокова. Именно в осуждающих словах Молокова начинает звучать характеризующий героя мотив больной или отсутствующей совести: «Совесть это тебя мучает, зятюшка»; «Ваня, да где же у тебя совесть-то?» [10, с. 42, 49]. На совести Засыпкина в прошлом смерть двух предыдущих жен, а ныне — моральное угнетение, в том числе и постоянными ревнивыми подозрениями, молодой жены Анисьи. Садистические нотки проскальзывают в его откровенном признании о том, что «сперва из человека нужно все жилы вытянуть, чтобы он чувствовал, чтобы он ползал перед тобой, как червь, ноги бы целовал...» [10, с. 48-49]. В состоянии ревности герой готов убить изменяющую ему Анисью, у которой закручивается роман с молодым приказчиком Васей Воротовым. Положение самого Воротова, незаконного сына Засыпкина, живущего в доме на правах воспитанника, осложняется (также во многом по вине отца) инцестуальной связью с его дочерью Леной.

Примечательно, что в рецензии на постановку пьесы 10 ноября 1887 г. на сцене Екатеринбургского театра отмечалось, что «знаток Урала, г. Мамин раскрыл его главную болячку, смело показав страшную язву, разъедающую его

жизнь и отравляющую кровь и душу способного населения. <...> Он проник в недры *здеишего темного царства* (курсив наш — О. З.) и осветил его правдивым словом» [4]. Использование уже ставшего традиционным применительно именно к пьесам А. Н. Островского выражения «темное царство» представляется здесь далеко не случайным.

По мнению В. Л. Удалова, сюжет пьесы не оформляется в некую последовательную систему, а, представляя собой разомкнутую интригу, или разнонаправленные волевые усилия героев, выражает как бы естественное «течение самой жизни» [18, с. 92; 20]. За внешним планом объективно-социальных столкновений просматривается более важный план — раскрытие внутреннего мира героев, духовных качеств действующих лиц. Сюжет комедии, по мнению исследователя, предполагает некое равноправие действующих лиц — при разном объеме сценического пространства, занимаемого тем или иным героем [18, с. 95]. Однако отмеченная сценическая особенность свойственна не только пьесе Мамина, она вполне согласуется и с особым строем драматических произведений Островского, по точному определению Н. А. Добролюбова, «не комедий интриг и не комедий характеров», а именно «пьес жизни» [3, с. 302].

Вслед за А. Н. Островским Мамин-Сибиряк выходит к решению важнейшей социально-нравственной и морально-религиозной задачи — проникновения в психологию героев, подпавших под власть золотого тельца и преступивших в своем страстном наваждении через этико-религиозные нормы, присущие русскому народу. Губительность воздействия желтого металла на душу человека приобретает поистине символический разворот в начале 3-го действия, в сцене обсуждения героями Белоносковым и Марфой Лукинишной (женой Молокова) истории царя Мидаса — с уникальным даром последнего превращать все, к чему он ни притронется, в золото. Присоединяющаяся к обсуждению этого вопроса старая нянька Мосевна озвучивает народно-христианский взгляд на участь мифологического царя, привнося в свою речь уже готовые этико-религиозные максимы: «Грех один от этого золота...» [10, с. 39]. Получающая притчевое выражение участь царя Мидаса объясняет драматизм судьбы героев, зараженных «золотой» болезнью, подверженных «медленной отраве», которая неизбежно покрывает «живого человека мертвящей ржавчиной» [12, с. 363], что вполне согласуется с аксиологической позицией самого автора — драматурга и романиста в одном лице.

В изображении сценических персонажей, можно сказать, даже в самой антропологической концепции Мамина-Сибиряка, что подтверждает опыт не только его драматургии, но и романно-повествовательных жанров, наряду с социально-нравственной проблематикой ярко проступает и проблематика духовно-экзистенциальная, проявляющая себя по большей части в любовном конфликте. Так, охватывающая сценических героев сильная любовная страсть, во-первых, изображается как безудержное наваждение, граничащее с греховной одержимостью, а во-вторых, влечет за собой страшные мучения совести, ситуацию раскаяния и потенциального (чаще всего проблематического) духовного преображения.

Социальная драма постепенно осложняется внутренним психологическим конфликтом. Начиная уже со второго действия пьесы Мамин-драматург круто меняет акценты: на передний план выходит образ Анисьи Тихоновны и ее страсть к Васе Воротову. Параллельно, особенно ощутимо с третьего действия, проявляется метаморфоза Воротова от «зверства» к покаянию, разрыв его мятушейся природы между двумя возлюбленными — Анисьей и Леной (дочерью Засыпкина). К любовно-аффективным линиям *Анисья — Воротов, Воротов — Лена* добавляется еще одна — *Засыпкин — Анисья*, достигающая своего разрешения в последнем, четвертом действии. Таким образом, комедия социально-бытовых положений органично перетекает в осложненную отдельными мелодраматическими элементами настоящую семейно-психологическую трагедию страстей и совести — с непременно запрограммированным в финале катарсическим эффектом.

По ходу действия пьесы одержимость героев страстями лишает их «самостояния» личности, переводит в откровенно зооморфный план. Приоткрывающиеся при этом inferнальные коннотации говорят сами за себя: так, Анисья Тихоновна неоднократно сближается со «змеей» [10, с. 50, 62], Засыпкин — с «медведем» [10, с. 41], Воротов — с «волком» [10, с. 45]. Но при этом стоит заметить, что даже такой герой, как Засыпкин, вынашивающий в мыслях план убийства неверной жены, воображает себя в качестве не преступника-индивидуалиста, а способного к соборному раскаянию народного разбойника, способного поклониться «на все четыре стороны народу православному» [10, с. 52]. Действительно, Мамину важно акцентировать многогранность человеческих характеров, динамику их развития. Показательно, что практически все герои в пьесе удостаиваются отдельных внутренних монологов, в которых ощутимы поистине страдальческие, покаянные ноты: Анисья Тихоновна (1 д., явл. 11; 2 д., явл. 5), Лена (д. 2, явл. 11, д. 4, явл. 4), Засыпкин (д. 2, явл. 9; д. 4, явл. 2, 11, 13).

Даже у такого злодея, как Засыпкин, любовь к дочери Лене становится решающим фактором, подготавливающим возможность его внутреннего преобразования [10, с. 31]. Выход героя к финальному покаянию, зафиксированному в печатной редакции пьесы, в этом контексте получал свое хотя бы частичное объяснение, но на более поздних этапах редакционной правки это объяснение, по всей видимости, уже не могло удовлетворить автора полностью. Показательно, что откровенное в своей религиозной направленности признание Засыпкина о «великих божиих угодниках, настоящих праведниках, которые спасали даже самых великих грешников» [10, с. 59], равно как и весь религиозный смысл финальной реплики героя с признанием собственных грехов и желанием раскаяния [10, с. 63], в более поздней редакции пьесы, признанной нами за окончательную, самим автором совершенно изымаются из текста. Вместо этого в окончательной редакции значится: «Постой, Анисья. *(Берет ее за руку и указывает на Воротова.)* Это мой незаконный сын...» [9, л. 61 об.] Изменения вызваны соблюдением логики характера, приданием ей все более реалистических мотивировок.

То же самое можно сказать и о другом герое — Васе Воротове. Вина перед Леной заставляет и его испытывать мучительные угрызения совести, а в финале пьесы даже выйти к публичному раскаянию, броситься на колени перед Засыпкиным. Единственный персонаж, который в своем любовном наваждении и гордыне оказывается не способен к раскаянию, — это Анисья Тихоновна. Но особая роль в нравственно-религиозной концепции пьесы отводится такому, казалось бы, второстепенному персонажу, как Ширинкин. Именно он, несмотря на весь комизм своего шутовского положения (сначала при Молокове, а потом и Засыпкине), выступает с христианским призывом к героям «утишить свое сердце» [10, с. 36], с проникновенным словом самоотверженной любви и милости: «Все мы люди грешные... на всех на нас грехов-то, как черемухового цветку, а только надо прощать-с... всем прощать-с...» [10, с. 60].

Именно здесь (особо это подчеркнем) намечается типологическое сходство Мамина-Сибиряка с Л. Толстым, автором народной драмы «Власть тьмы» (1886). Сюжет греха и покаяния, проведенный через всю пьесу народно-христианский взгляд на вещи делает вполне обоснованными следующие параллели мужских и женских персонажей: Василий — Никита, Ширинкин — Аким, Лена — Марина. Важно также, что между отдельными действиями у Мамина, равно как и у Толстого, протекает значительный период времени. Так, у Толстого между действиями проходит, соответственно, 6 месяцев, дважды по 9 месяцев, т. е. в общей сложности не менее двух лет. У Мамина также важны хронологические рамки. Так, между первым и вторым действиями протекает около 7 месяцев. Из 4-го действия выясняется, что, скрываясь от закона, «под псевдонимом» Молоков высиживает не менее трех лет, т. е. основное действие пьесы охватывает также примерно два года. Причем, Мамин использует эти временные сдвиги даже с большим психологическим эффектом, чем Толстой. Особенно ярко это проявляется в обрисовке характеров Анисьи Тихоновны, Василия Воротова и Засыпкина. Даже Марфа Лукинишна, забитая супруга Молокова, в 3-м действии дивится обретенному ею свободному характеру общения, что в самом начале пьесы представить было просто невозможно. Освоенный в рамках повествовательных жанров опыт романизации Мамин-Сибиряк успешно применяет и к решению новых задач, стоящих перед современным ему сценическим искусством.

Заключение

Как мы пытались показать, растянувшаяся не менее чем на три года (с февраля 1885-го по май 1888-го) работа Мамина-Сибиряка над текстом его первой пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники») сводилась не только к существенной доработке языка сценических персонажей, но также к изменению жанровых номинаций, актантно-образной системы и природы конфликта, самих аксиологических установок сознания автора-драматурга. Так, в позднейшей редакции пьесы устраняется образ Чебыкина, во многом дублирующий сюжетную роль Белоносова, явственнее проводятся психологические мотивировки (прежде всего в образе Засыпкина), происходит частичное возвращение к решению финала еще

более ранних редакций текста с акцентировкой линии незаконнорожденного сына Засыпкина — Васи Воротова. Все это придает сценическому действию большую центростремительную динамику и цельность. Но важнее при этом, пожалуй, даже другое — принципиальные особенности сюжетно-композиционного своеобразия пьесы, вытекающие из доминирующей установки автора на синтез романной и драматической форм.

Отталкиваясь от традиции театра А. Н. Островского, Мамин-Сибиряк как драматург пытался продвинуться еще дальше в плане освоения природы драматического конфликта и аксиологических основ художественной типизации. Так, развивая и в какой-то степени корректируя точку зрения В. Л. Удалова, Е. А. Шпаковская справедливо отмечает сходства в построении конфликта в пьесах Мамина-Сибиряка и Чехова [22, с. 45]. Однако, следует заметить, что чеховское начало в первой пьесе Мамина-драматурга проявляет себя еще в достаточно редуцированном виде, чего, кстати, уже нельзя сказать о его второй пьесе «Маленькая правда» (но это тема отдельного исследования). Подобное совмещение разнонаправленных и к тому же разновременных традиций — Островского и Чехова (следует помнить также о зафиксированной нами параллели с драматургией Л. Толстого) — представляется наиболее адекватным для понимания сценических особенностей первого драматургического опыта Мамина-Сибиряка — его пьесы «На золотом дне» («Золотопромышленники»). Само движение от первой пьесы ко второй знаменует крепнущую тенденцию драматургии уральского писателя — движение к синтезу романной и драматической форм, учет достижений предшествующей театральной традиции, в первую очередь, «пьес жизни» Островского, и освоение новых сценических принципов народно-притчевой драмы «Власть тьмы» Л. Толстого и экзистенциально-психологической драмы (комедии) Чехова с осязательно проявленным лирическим подтекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Д. Н. Мамин-Сибиряк в воспоминаниях современников / сост. Б. Д. Удинцев. Свердловск: Кн. изд-во, 1962. 351 с.
2. Д. Н. Мамин-Сибиряк и театр («Мир — театр, в нем все... — актеры...»): путеводитель по выставке / сост. Р. С. Галеева, Н. П. Крякунова; Объединенный музей писателей Урала. Екатеринбург, 2007. 112 с.
3. Добролюбов Н. А. Собр. сочинений: в 3 т. Т. 3 / Н. А. Добролюбов. Москва: Художественная литература, 1987. 871 с.
4. Заезжий. Екатеринбургский театр. (Золотопромышленники. Комедия Д. Н. Мамина // Деловой корреспондент. 1887. № 176 (14 ноября).
5. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е. К. Созиной. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2021. Кн. 1. 664 с.; Кн. 2. 776 с.
6. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотопромышленники. Бытовая хроника в 4-х действиях / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Наблюдатель. 1887. № 10. С. 5-68.

7. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Драма в пяти действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1-60 об. Рукопись.
8. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Драма в четырех действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // РГАЛИ. Ф. 136. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1-66 об. Рукопись.
9. [Мамин-Сибиряк Д. Н.] На золотом дне. Комедия в 4-х действиях / [Мамин-Сибиряк Д. Н.] // ОР и РК СПбГТБ (Отдел рукописей и редкой книги С.-Петербургской государственной театральной библиотеки). № 33021. Л. 1-61 об. Рукопись.
10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Золотопромышленники / Д. Н. Мамин-Сибиряк // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. сочинений: в 12 т. Т. 6. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1949. С. 7-63.
11. Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. сочинений: в 12 т. Т. 10 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1951. 372 с.
12. Мамин-Сибиряк Д. Н. Полн. собр. сочинений: в 20 т. Т. 3 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 996 с.
13. Медведев А. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в дневниковой рефлексии М. М. Пришвина / А. А. Медведев // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019. № 2 (187). С. 122-134.
14. Миночкина Л. И. Вопросы театральной жизни и эстетики в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. И. Миночкина // Русская литература 1870-1890-х годов. Эстетика и метод: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 131-142.
15. Островский А. Н. Полн. собр. сочинений: в 12 т. Т. 2 / А. Н. Островский. Москва: Искусство, 1974. 808 с.
16. Удалов В. Л. Новое о Мамине-Сибиряке — драматурге (письма писателя в редакцию журнала «Артист») / В. Л. Удалов // Русская литература. 1968. № 1. С. 170-176.
17. Удалов В. Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк о театре и драме / В. Л. Удалов // Русская литература 1870-1890-х годов. Сб. 3. Свердловск, 1970. С. 134-154.
18. Удалов В. Л. Сюжет и конфликт комедии Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» / В. Л. Удалов // Русская литература 1870-1890 годов. Сб. 4. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1971. С. 87-109.
19. Удалов В. Л. Д. Н. Мамин-Сибиряк — драматург: дисс. ... канд. филол. наук / В. Л. Удалов. Киев: Киевский гос. пед. ун-т., 1972. 267 с. [Рукопись]
20. Удалов В. Л. Пьеса Д. Н. Мамина-Сибиряка «На золотом дне» — финальная редакция «Золотопромышленников» / В. Л. Удалов // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 97-102.
21. Фидлер Ф. Ф. Из мира литераторов. Характеры и суждения / Ф. Ф. Фидлер. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 928 с.
22. Шпаковская Е. А. «Золотопромышленники» Д. Н. Мамина-Сибиряка: поэтика драматургии / Е. А. Шпаковская // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры Уральского государственного университета. 1995-1996. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 40-53.

Oleg V. ZYRYANOV¹

UDC 82-221

**ABOUT DRAMATURGICAL PRINCIPLES
OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK:
COMEDY “THE OWNERS OF GOLD MINES”**

¹ Dr. Sci. (Philol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
Ural Federal University
named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
o.v.zyryanov@urfu.ru; ORCID: 0000-0003-3327-8116

Abstract

The article presents the experience of referring to the little-studied part of the creative heritage of Mamin-Sibiryak — his first dramatic work, the play “The Owners of Gold Mines”. The creative history of this work is traced, a comparative analysis of the printed magazine version of the play and the later edition, which remained in the white manuscript, is carried out. The author made the order of the changes in the genre nominations of the play by himself (from comedy to drama and everyday chronicle and, vice versa, to comedy). The logic of significant adjustment of the system of characters and the nature of the dramatic conflict, as well as the change in the leading axiological attitudes of the author-playwright's consciousness, is revealed.

As a fundamental feature of the plot-compositional construction of the play “The Owners of Gold Mines”, Mamin's synthesis of novel and dramatic forms was recognized, which was most clearly manifested in his orientation towards the theatrical tradition of the “plays of life” of A. N. Ostrovsky, on panoramic illumination of the “dark kingdom” gold miners. In the course of the analysis of the dramatic development of the action, it is shown how the comedy of social and everyday situations organically flows into a real family-psychological tragedy of passionate obsession and painful conscience, complicated by individual melodramatic elements. The emphasis in the spiritual and moral issues of the play on the plot

Citation: Zyryanov O. V. 2021. “About Dramaturgical Principles of D. N. Mamin-Sibiryak: Comedy ‘The Owners of Gold Mines’”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 7, no. 4 (28), pp. 101-114.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

of sin and repentance, of the popular Christian view of human nature makes the work in question related to the folk parable drama of L. N. Tolstoy “The Power of Darkness”. In the conclusion, it is suggested that in the first play, Mamin the playwright is already coming close to the stage discoveries of the existential psychological drama (comedy) of A. P. Chekhov, which will be even more tangibly manifested in the next dramatic work of the Ural writer — the comedy “Little Truth”.

Keywords

D. N. Mamin-Sibiriyak, comedy “The Owners of Gold Mines”, household chronicle, “plays of life” by A. N. Ostrovsky, “The Power of Darkness” by L. N. Tolstoy, psychological conflict, anthropological concept, author’s axiology.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-4-101-114

REFERENCES

1. Udintsev B. D. (ed.). 1962. D. N. Mamin-Sibiriyak in the Memoirs of Contemporaries. Sverdlovsk: Book Publishing House. 351 p. [In Russian]
2. Galeeva R. S., Kryakunova N. P. (ed.). 2007. D. N. Mamin-Sibiriyak and Theater (“The World is a Theater, in It All... Are Actors...”): A Guide to the Exhibition. United Museum of Writers of the Urals. Yekaterinburg. 112 p. [In Russian]
3. Dobrolyubov N. A. 1987. Collected Works in 3 Volumes. Vol. 3. Moscow: Fiction Publishing House. 871 p. [In Russian]
4. Business correspondent. 1887. Visiting. Yekaterinburg theater. (Gold miners. Comedy of D. N. Mamin-Sibiriyak). No. 176 (November 14). [In Russian]
5. Sozina E. K. (ed.). 2021. The History of Literature of the Urals. The 19th Century in 2 Books. Moscow: YASK Publishing House. Book 1. 664 p.; Book 2. 776 p. [In Russian]
6. Mamin-Sibiriyak D. N. 1887. “The owners of gold mines. Household chronicle in 4 acts”. Observer, no. 10, pp. 5-68. [In Russian]
7. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Drama in five acts”. State Archives of the Sverdlovsk Region. F. 136. Op. 1. D. 34. Pp. 1-60. [In Russian]
8. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Drama in four acts”. Russian State Archives of Literature and Art. F. 136. Op. 1. D. 12. Pp. 1-66. [In Russian]
9. [Mamin-Sibiriyak D. N.] “On the Golden Bottom. Comedy in 4 acts”. Department of Manuscripts and Rare Books of the St. Petersburg State Theater Library. No. 33021. Pp. 1-61. [In Russian]
10. Mamin-Sibiriyak D. N. 1949. “The Owners of Gold Mines”. Mamin-Sibiriyak D. N. Collected Works in 12 Volumes. Vol. 6. Sverdlovsk: Sverdlovsk Regional State Publishing House. Pp. 7-63. [In Russian]
11. Mamin-Sibiriyak D. N. 1951. Collected Works in 12 Volumes. Vol. 10. Sverdlovsk: Sverdlovsk Regional State Publishing House. 372 p. [In Russian]
12. Mamin-Sibiriyak D. N. 2007. Complete Collected Works in 20 Volumes. Vol. 3. Yekaterinburg: Bank of cultural information. 996 p. [In Russian]

13. Medvedev A. A. 2019. "D. N. Mamin-Sibiryak in the diary reflection of M. M. Prishvin". *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, no. 2 (187), pp. 122-134. [In Russian]
14. Minochkina L. I. 1987. "Questions of theatrical life and aesthetics in the works of D. N. Mamin-Sibiryak". *Russian Literature of the 1870-1890s. Aesthetics and Method*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 131-142. [In Russian]
15. Ostrovsky A. N. 1974. *Complete Collected Works in 12 Volumes. Vol. 2*. Moscow: Art. 808 p. [In Russian]
16. Udalov V. L. 1968. "New about Mamin-Sibiryak — playwright (letters from the writer to the editorial office of the magazine 'Artist')". *Russian Literature*, no. 1, pp. 170-176. [In Russian]
17. Udalov V. L. 1970. "D. N. Mamin-Sibiryak about theater and drama". *Russian Literature of the 1870-1890s. Vol. 3*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 134-154. [In Russian]
18. Udalov V. L. 1971. "The plot and conflict of the comedy D. N. Mamin-Sibiryak 'On a golden Bottom'". *Russian Literature of the 1870-1890s. Vol. 4*. Sverdlovsk: Ural University Publishing House. Pp. 87-109. [In Russian]
19. Udalov V. L. 1972. "D. N. Mamin-Sibiryak — playwright". *Cand. Sci. (Philol.) diss.* Kiev. 267 p. [In Russian]
20. Udalov V. L. 2012. "The play of D. N. Mamin-Sibiryak 'On the Golden Bottom' — the final version of the 'The Owners of Gold Mines'". *Ural Historical Herald*, no. 1, pp. 97-102. [In Russian]
21. Fidler F. F. 2008. *From the World of Writers. Characters and Judgments*. Moscow: New literary review. 928 p. [In Russian]
22. Shpakovskaya E. A. 1997. "'Gold Miners' by D. N. Mamin-Sibiryak: Poetics of drama". *Yearbook of the Research Institute of Russian Culture of the Ural State University. 1995-1996*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. Pp. 40-53. [In Russian]